

A black and white photograph showing a group of people, primarily women, gathered around a table. They are smiling and clapping, indicating a celebratory or festive occasion. In the foreground, several bottles are visible on the table, possibly containing beverages. The background is slightly blurred, showing more people and what appears to be an indoor setting with a patterned wall or curtain.

Фото Б. Борисова.

Биргит Нильссон

Salut cordial
a tout les
Artistes del Poolcia
Doriveleris e M. Lano!
Giovanni Corsetto

Сердечный привет всем артистам Большого театра. До скорой встречи в Милане.

ФЬОРЕНЦА КОССОТО!

Бруно Превсди

tramite la rivista del teatro Bolscioi,
desidero di dare espressione del mio ringraziamento
al pubblico che invoca per la sua comparsa
al suo salone con lui quale si era
ascoltato. Tutte le compagnie che hanno
do poter dare in questi ambienti il suo migliore
brutto colui.

Рисунки
В. Федоровича

Через газету Большого театра я хотел бы поблагодарить московскую публику за ее радостный прием и за то внимание, с которым она нас слушала. Все мы чувствовали необходимость отдать все свои силы на выступления в Большом театре.

С наилучшими пожеланиями

• ГЕРБЕРТ КАРАЯН.

Джюзетта Симионато

Si' incontro fra il confesso
orale del Bolsoni con lo
realigento, non potera avvenire
che un suo linea di reciproca
stima e comprensione. Si' non
esprimo i miei sentimenti
con la sua tanto profonda
e sara a non di Myagochin
a a' altro risponde col virile
calore verdicuto.
Tornava una volta si e sento
quanto possa la parca del suo
maire in affettuosu ligame la
quiti.

Robert Young Ho
re 966

Ogh. Antisth del Centro
Bolzano con la sua villa

Sympotia
Minella Green

Артистам Большого театра с
большой симпатией.
МИРЕЛЛА ФРЕНИ.

Встреча между артистами хора Большого театра и «Ла Скала» не могла произойти иначе, как в обстановке взаимного уважения и симпатии.

Артисты хора Большого театра выразили глубокие чувства исполнением произведений Мусоргского и в ответ услышали живые мелодии Верди.

Еще раз можно было убедиться, насколько сильна поэзия музыки, которая может способствовать укреплению связей между людьми.

РОБЕРТО БЕНАЛЬЮ.

Этот снимок сделан во время встречи солистов оперы Большого театра и «Ла Скала», которая состоялась 23 сентября.

От «Ла Скала» в Москве в ожидании приезда Большого театра в Милан.

С дружеским приветом

НИНО САНЦОНЬО.

Сентябрь, 1964 г.

«БОГЕМА»

Приезд театра «Ла Скала» безусловно является большим событием в нашей музыкальной жизни.

Главное, чем восхищают спектакли театра, — это высокая музыкальная культура. Хор, оркестр, ансамбли исполняются с безукоризненной интонационной и ритмической точностью, с предельной легкостью, всегда являющейся показателем высокого профессионализма. Но сценическое воплощение, режиссерское решение в спектаклях «Лючия ди Ламмермур», «Севильский цирюльник», «Трубадур» показали мне несколько архаичными, отсталыми (что весьма удивительно для такого прославленного театра, как «Ла Скала»). Многие любители оперного искусства, поклонники итальянского театра объясняют это как «традицию» театра «Ла Скала», где все подчинено только вокалу и все остальное не должно мешать пению.

Спектакль «Богема» полностью опровергает такое мнение. Этот спектакль производит незабываемое впечатление, в чем в первую очередь заслуга дирижера Герберта фон Караяна.

Герберт фон Караян — музыкант огромного таланта, блистательный артист, вдохновенный и глубокий интерпретатор. Вполне естественно, что художник такого масштаба, как он, может, должен быть и есть прогрессивным в искусстве. Караян может дирижировать только таким спектаклем, в котором все компоненты, дополняя один другой, сливаются в единый ансамбль, и в результате создается вдохновенное произведение искусства — опера в настоящем и полном значении этого понятия.

Я не согласна с теми, кто считает, что успех «Богемы» — это успех только музыканта Караяна. Главная заслуга Караяна в том, что все компоненты, составляющие спектакль, он своей творческой волей собирает воедино и направляет к одной цели — спектаклю.

Мнение о том, что Караян довлеет над певцами, подминает весь исполнительский состав, принципиально неверно.

Нужно ли говорить, что в оперном спектакле главное — это музыкальная драматургия, и певцы должны составлять единое

целое вместе с оркестром. Спектакль «Богема» потому и является прекрасным и впечатляющим, что в нем осуществлено это слияние. Заслуга Караяна и в том, что он провел с исполнителями огромную подготовительную работу, и это позволяет ему с таким блеском проводить каждый спектакль. Дирижер весь наполнен спектаклем; он в течение всего спектакля произносит каждое слово вместе с артистами, он внимательно следит за артистами, ждет вступления, ждет на фермато певцов, чтобы вместе закончить фразу или вместе пойти дальше. Музыкальная фразировка в спектакле настолько типична, отшлифована, настолько убедительна, что, когда оркестр «взрывается» на форте, это производит огромное эмоциональное впечатление. И не имеет значения, если в такие моменты певцы хуже слышны, так как достигается огромная внутренняя динамика спектакля. «Богема» начинается и завершается одним дыханием.

Режиссура спектакля заслуживает самой высокой похвалы. Спектакль поставлен в современном ключе, в нем решаются общечеловеческие проблемы, и социальная сторона вырисовывается сама по себе. Такой серьезный подход к решению спектакля обуславливает и стиль работы постановщика-художника Франко Джеффирелли. Декорации, костюмы, мизансцены лишены какой бы то ни было условности, которой сейчас увлекаются многие театральные деятели. Спектакль «Богема» неразрывно связан со всем современным направлением итальянского театрального и кинематографического искусства. Огромный успех «Богемы» не случаен: современный зритель хочет видеть современный спектакль.

Естественно, что в спектакле ощущается мощное руководство Караяна, но и состав артистов тоже заслуживает большой похвалы. В первую очередь хочется сказать о Мими, роль которой исполняет Мирелла Френи. Внешний облик артистки, ее лирическое дарование идеаль-

но сочетаются с очень хорошим голосом и необычайной музыкальностью. Но что особенно впечатляет в исполнении артистки, так это присущая ей инструментальность пения. Пиано, возникающее как будто прямо из звучания оркестра, буквально потрясает (фраза в конце первого акта «Возле Вас тепло мне», флировка ноты «фа» в дуэте с Рудольфом в конце третьего акта и т. д.). Все вокальное мастерство М. Френи — это идеальная музыкальная выразительность и техническое совершенство.

Оставляет незабываемое впечатление и Рудольф — Джанни Раймонди. Артист обладает очень свежим и красивым голосом, особенно хорошо звучащим в верхнем регистре. Свое певческое мастерство он подчиняет созданию образа в целом. И это ему удается в полной мере. Предельная простота, логичность поведения, лаконичная жестикуляция, и вместе с тем, артист ни на минуту не выключается из образа. Как он слушает рассказ Мими, как объясняется с Марселем, как проводит последнюю сцену с Мими! Артист не играет напрямую, мы все время в его действиях ощущаем второй план.

Большое сценическое мастерство дает возможность Д. Раймонди создать образ, полный теплоты, человечности и обаяния.

Так же очень художественно убедительны Марсель — Роландо Панераи, Коллен — Иво Винко, Бенуа — Карло Вадьоли.

Конечно, для того чтобы так свободно вести себя на сцене, так много внимания отдавать созданию художественного образа, нужно быть в совершенстве подготовленным вокально и музыкально. В таком блестящем ансамбле, где вся первая половина первого акта проходит, как брызжащее шампанское, досадно, когда кто-то из актеров смотрит на дирижера, тем более что это напрасно, так как Караян дает вступления только на начало ансамблей или как выражение творческого и эмоционального слияния дирижера, оркестра и артиста.

И музыкально и сценически в

спектакле сделаны абсолютно правильные эмоциональные акценты. Вся первая половина первого акта — это картина беззаботности, веселья, легкости, оптимизма, присущего героям оперы — молодым людям, полным надежд. Последний акт идет в тех же декорациях. Как будто ничего не изменилось внешне, но нет больше веселья, герои снижились, и все усилие Шонара развеселить их ни к чему не приводит. Жизнь наложила свой тяжелый отпечаток, их надежды рухнули, остались уныние и грусть. Это состояние особенно удачно передает Рудольф в третьем акте с Мими и в последней сцене с ней. Режиссерской удачей является планировка декораций в два этажа во втором акте.

Из зрительного зала создается полное впечатление площади, наполненной гуляющей толпой. Правда, когда разворачиваются сцены с Мюзеттой, верхний этаж несколько отвлекает внимание, но в целом этот акт очень эффектен.

Мюзетта — Эдда Винченчи — артистка, обладающая очаровательной внешностью, к сожалению, не нашла нужных средств выразительности для создания образа никантной, веселой, обаятельной героини Латинского квартала. Однообразная жестикуляция, излишняя суетливость, выкрики, пение, лишнее изыскание, оставляют печальное впечатление.

Третий акт, поставленный режиссером традиционно, — скамья слева, кабачок справа, падающий снег, — идет на тонеле, благодаря чему создается черное ощущение холода, сырости, уныния, подавленности. Мизансцены очень скудные, но артисты М. Френи, Д. Раймонди и Р. Панераи с огромной глубиной и эмоциональной насыщенностью проводят сцены в неразрывном слиянии с оркестром, который взрывается

Сцена из четвертого акта спектакля «Богема».

эмоциональными взлетами, приобретающими характер симфонизма.

В третьем и четвертом актах дирижер достигает огромного эмоционального напряжения, поднимаясь до настоящего драматизма, безусловно, выходящего за рамки трагедии нескольких человек. В этом — его огромная заслуга.

Хочется поблагодарить театр «Ла Скала» за такой изумительный во всех отношениях спектакль. Мне кажется, что, кроме эстетического наслаждения и восторга, он притягивает и творческий «амулет» многих артистов нашего театра. Этот спектакль отскакивает на воле — кто важнее: дирижер, режиссер или артисты? Вспомните, что главное — это спектакль.

В заключение мне хочется отметить очень хорошее впечатление, которое остается от участия в этом спектакле нашего детского хора, выступившего с завидной легкостью и точностью.

И. МАСЛЕННИКОВА,
народная артистка РСФСР.

«Реквием» поражает силой, трагизмом, пафосом...».

Г. Ларош.

Да, он действительно поражает, этот величественный монолит, воплотивший в себе кипищесенцию таланта великого Д. Верди. Форма произведения, мысли и чувства, наполняющие его, история создания этого шедевра — все это сложное, а порой и противоречивые компоненты, из которых сложился «Реквием».

Внешняя форма — католическая заупокойная месса, но как далека эта музыка от мертвящих догматов католицизма. Повод для написания — преклонение перед памятью великого певца итальянского национально-освободительного движения Алессандро Маччони. Но прочувствованное надгробное слово творцу «Обрученных» звучит, как торжественная ода итальянской культуре. Быть может, поэтому столь часто приходится слышать высказывания об известной театральности, «оперности» этого произведения.

Бесспорно, интерпретация «Реквиема», правильное прочувствование этой музыкальной фрески, способность найти золотую середину в соединении различных эмоций играют решающую роль.

Надо сказать, что солистам, хору, оркестру театра «Ла Скала» и в первую очередь дирижеру Герберту Караяну удалось блестяще разрешить эту сложную задачу. Вспомнив и сравнивая ряд выступлений Г. Караяна в Москве, приходишь к выводу, что, несмотря на чрезвычайно сильную индивидуальность, полнейшее и бескомпромиссное диктаторство над

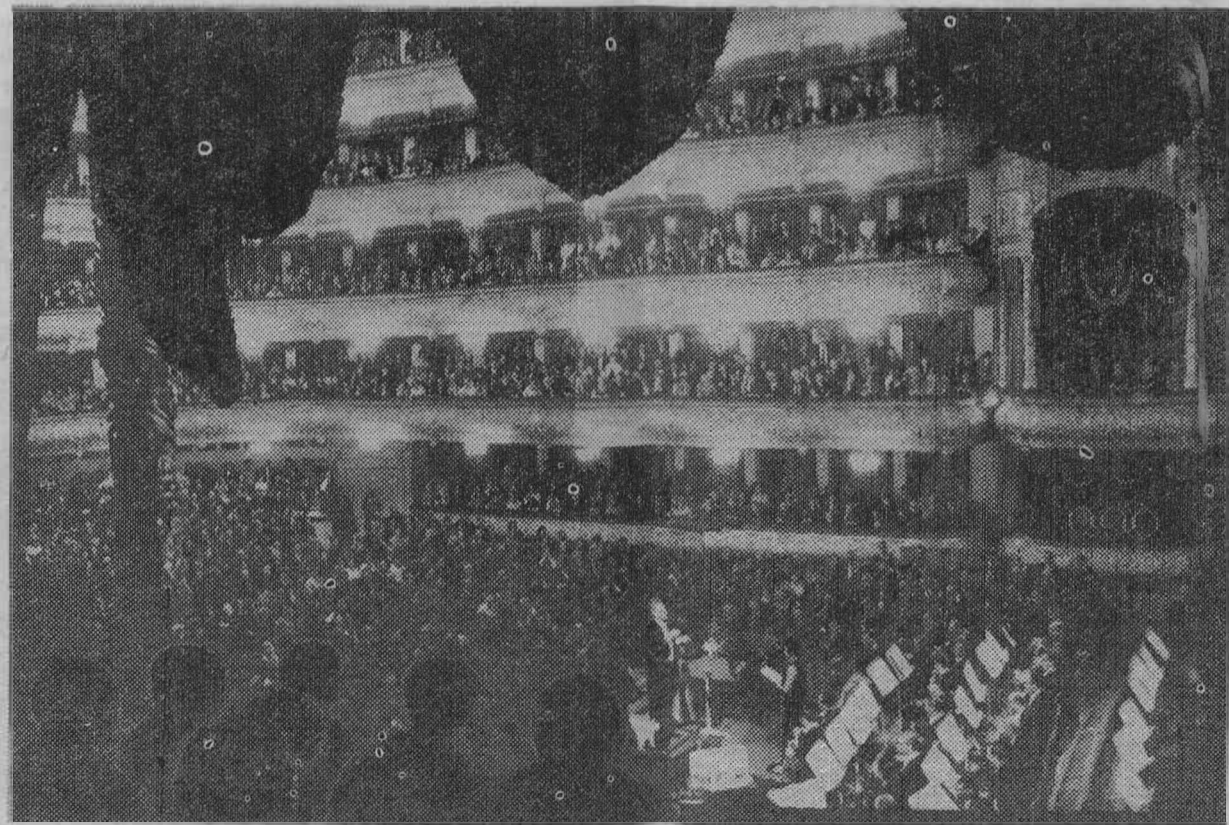
«РЕКВИЕМ»

любимым сложнейшим исполнительским организмом, Караян прежде всего — проводник идей композитора. Его сила не в самопоказе (хотя при его данных для менее требовательного художника это было

бы весьма труднопреодолимым соблазном), его сила в одинаково остро развитой способности быть одновременно и «приемником» (от партитуры) и «передатчиком» (к слушателю). Вспомним, как дири-

жировал Караян произведениями Моцарта и Брукнера во время гастролей Оркестра Венской филармонии, и сопоставим эти исполнения с «Богемой» и «Реквиемом».

При всем блеске воплощения

В Большом театре звучит «Реквием» Д. Верди. За дирижерским пультом Герберт фон Караян.

этим обязательным знаменателем — стиль передачи везде разный. Услышав Караяна в «Богеме», многие невольно ждали от «Реквиема» столь же сильного и яркого «исполнительского потока», скорее, такой же окраски творческого излучения. После «Реквиема» можно было слышать: «Это менее ярко по сравнению с «Богемой». Да, действительно, менее ярко, но, так мне кажется, сознательно менее ярко. Изменилась окраска исполнения, но никак не его сила. Высокий вольтаж интерпретаторов остался тем же...

Невозможно в рамках газетной статьи подробно проанализировать все тонкости исполнения, а их было бесконечно много.

Одним из самых больших достоинств трактовки «Реквиема» для меня была исключительная «зримость» образов музыки. Звучащие фрески... «Сикстинская капелла» Микеланджело, «Конец мира» Синьорелли, а может быть, и «Герника» Пикассо...

Прекрасные певцы Леонтина Прайс, Фьоренца Коссото, Карло Бергонци, Николай Гяуров, выдающийся оркестр, проникновенный хор (хормейстер Р. Вепальо), искренность и одухотворенность дирижера огромного таланта и масштаба, и в результате — большая радость общения с настоящим большим искусством.

Геннадий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР.